

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 655.552

doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.227-234

ПАМЯТЬ, ИСТОРИОГРАФИЯ И «МЕМОРИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА»: О РОЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНКРЕТНЫХ СИТУАЦИЯХ

[Рец. на кн.: Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / Под общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2020. – 464 с.]

Д.Е. Мартынов¹, Г.П. Мягков^{2,1}

¹*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*

²*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова,
г. Казань, 420111, Россия*

Аннотация

Рецензия на коллективную монографию, выпущенную Центром интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН). Рецензенты рассматривают теоретические положения и фактическую информацию, представленную в монографии, в контексте анализа общих и конкретных характеристик исторической памяти. Изучение последней возможно через исследование конкретных политических и интеллектуальных практик эпохи раннего и зрелого модерна. Рассмотрено использование авторским коллективом методологии Й. Рюзена, в которой историческая память может трактоваться как «неосознанная идеология»; и она неизбежно будет мифологична, ибо увязывает воспоминания отдельного индивида с целостным образом прошлого. Это позволяет ввести составной термин «прошлое–для–настоящего», который выражает направленность исторической памяти, что и отражено в названии рецензируемой монографии. Содержательные особенности стратегий развития исторической памяти на основе идеологием анализировались авторами на материале России, Великобритании, Польши (идеология сарматизма) и Боливии (идеология индеанизма).

Ключевые слова: историография, Л.П. Репина, исторический нарратив, историческая память, национальная идентичность

Рецензируемая коллективная монография (П-Д-Н) была подготовлена Центром интеллектуальной истории и сетевой лабораторией «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры» Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН), возглавляемыми Л.П. Репиной. Книга опубликована в серии «Образы истории» (см. [1–5]) и в известной степени может быть признана «смотром» ведущих научных школ в области современной российской интеллектуальной

истории. Авторский коллектив монографии представляет, помимо ИВИ РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российский государственный гуманитарный университет, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Воронежский государственный университет, Государственный гуманитарно-технологический университет (Орехово-Зуево)¹.

Краткий синопсис рассматриваемого труда помещен непосредственно во введении (П-Д-Н, с. 9–10). Конкретно-исторический материал – российский, европейский и даже латиноамериканский – призван продемонстрировать стратегии формирования национально-государственной идентичности в конкуренции с иными формами коллективной идентичности, включая этническую и региональную. Первая же глава «Историческая память и нарративы национальной идентичности: “практика истории на службе памяти”» образует своего рода теоретико-методологическую «раму», обрамляющую все пестроцветье конкретных политических и интеллектуальных практик эпохи раннего и зрелого модерна. Вводится она рабочим определением характеристик исторической памяти (избирательность, символичность, мифологичность), во взглядах на которые поразительно единодушны историки самых разных школ и ориентаций. Определение основано на событийно-репрезентационной классификации Й. Рюзена² (П-Д-Н, с. 11), чьей базой является понятие «неосознанной идеологии», в которой одним из ключевых элементов является именно то, что люди помнят о прошлом. Поскольку запоминаются обыкновенно самые яркие события, личности героев и антигероев, всё то, что сохраняется исторической памятью, носит символический характер и приобретает символическое значение. Историческая память неизбежно мифологична, формируется способом, с помощью которого единичные воспоминания комбинируются в целостный образ прошлого (П-Д-Н, с. 11). По выражению Й. Рюзена, сила самой памяти «делает прошлое проекцией будущего» (П-Д-Н, с. 11).

Таким образом, констатируется, что содержание коллективной памяти меняется в соответствии с социальным контекстом и практическими приоритетами. Идет непрерывный процесс «изобретения» такого прошлого, которое наилучшим образом «подходило» бы к настоящему. Сам составной термин «прошлое–

¹ Авторский коллектив: Васильев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – глава 13; Высокова Вероника Витальевна, доктор исторических наук, доцент Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина – главы 7–9; Заиченко Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН – главы 11–12; Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН – главы 2–3; Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент Воронежского государственного университета – глава 10; Маловичко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор Государственного гуманитарно-технологического университета, профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания, Институт филологии и истории РГГУ – главы 4–6; Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; профессор Института филологии и истории РГГУ – Введение, глава 1; Щелчков Андрей Аркадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН – глава 14.

² Jörn Rüsen (род. 1938) – немецкий историк и философ истории. Окончил Кёльнский университет, диссертация (1966) была посвящена методологии истории Иоганна Дройзена (“Begriffene Geschichte. Genesis und Begründung der Geschichtstheorie J.G. Droysens”). С 1989 г. преподавал в университете Билефельда (связанного с расцветом современной немецкой философии истории), с 1997 г. и по сей день – профессор университета Виттена, в 2019 г. избран в Европейскую академию. Считается одним из наиболее влиятельных теоретиков исторической науки XX в.

для–настоящего», выражающий направленность исторической памяти, нашел свое отражение в названии рецензируемой монографии (П-Д-Н, с. 15). Собственно говоря, для понимания поведения исторических лиц в конкретных ситуациях вполне применима цитируемая формула Ю.М. Лотмана, согласно которой, если даже нарратив идентичности расходится с очевидной жизненной реальностью, сомнению подвергается не текст, а сама реальность, вплоть до объявления ее несуществующей (П-Д-Н, с. 15). Из всех сверхличных ценностей наиболее простой для приятия каждым отдельным индивидом является набор национальных ценностей, «растворяющих» его в себе.

Конструирование прошлого никоим образом не относится к сфере отвлеченного академического знания. Напротив: «Общеизвестно, что тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее: помимо исторической легитимации как источнике власти, речь идет об использовании как унаследованных от предшествующих поколений, так и о создании новых исторических мифов в публичной сфере для решения политических проблем. Борьба за власть и политическое лидерство, используя помимо всего прочего, важный эмоционально-психологический ресурс, проявляется как соперничество символов величия нации или ее позора в разных версиях исторической памяти и как спор по поводу того, какими эпизодами истории нация должна гордиться или, напротив, стыдиться» (П-Д-Н, с. 17).

Далее следует типология исторического сознания разных эпох, в рамках которой культура памяти определяется типом историописания и способом организации накопленного исторического опыта. Историческая наука будет характеризовать память модерна; в свою очередь, «научная история» будет включать «национальную», «отечественную» историю как форму профессионального историописания. Это всегда являлось надежным фундаментом национального самосознания: группа индивидов под пером истории преобразовывалась в коллективную личность (П-Д-Н, с. 18–19). Иными словами, возникает новый жанр – *биография нации*, которая требует драматического развертывания и сюжетной завершенности событийного ряда (П-Д-Н, с. 19). Упомянутый Й. Рюзен в рамках теории исторического сознания рассматривал изменения идентичностей в результате кризисов, и в этом контексте выделял тип «катастрофического кризиса», который наступает при столкновении исторического сознания с опытом, не укладывающимся в рамки привычных исторических представлений. Основным же способом преодоления кризисов исторического сознания является создание нового нарратива, где недавно приобретенный опыт, синтезируясь с опытом прошлого, оформляется в определенную целостность, в рамках которой новые события приобретают смысл (П-Д-Н, с. 22). Представлен и очень интересный обзор положения национальных историй в пространстве эволюции академической исторической науки XIX – XX вв. (П-Д-Н, с. 22–26).

Переходя к содержательным особенностям рецензируемого тома, можно сказать следующее. Участники авторского коллектива стремились воссоздать и выявить различные модели исторического проектирования. В главах со 2-й по 6-ю рассматриваются указанные процессы на материале истории и историографии России от XVIII столетия до наших дней. Еще три главы (7–9) отведены

под анализ в английской историографии раннего модерна и дальнейшей смены национально-государственных нарративов Британской империи.

Глава 10 посвящена замечательному компаративному сюжету – сопоставлению стратегий актуализации национальной памяти в Англии и России в форме конструирования нации, в буквальном смысле ее «воображения». В данном контексте представлены весьма глубокие и примечательные выводы, в частности, что в современной России обнаруживается тенденция к неспособности ее граждан идентифицировать себя с мировой цивилизацией и глобальными процессами, что является одной из причин конструирования внутренних «этноцивилизаций» (П-Д-Н, с. 113–114). Весьма важен также вывод о том, что искоренение (в авторской терминологии «избавление») веры в однонаправленный линейный исторический процесс в конечном итоге приводит к уменьшению доверия к национально-государственному нарративу и смещению истории вообще в «область неактуального» (П-Д-Н, с. 212–213). Не менее нетривиальны выводы в «британском» разделе: так называемый «вигский нарратив», который способствовал отвержению всего, что было «неанглийским», явился и одним из модусов утверждения либеральной доктрины и победы среднего класса. Понятие нации превратилось в консолидирующую идею Британской империи (П-Д-Н, с. 289). Выводы компаративной десятой главы отталкиваются от российской и британской «имперскости». С учетом пройденного обоими государствами исторического пути, приоритета государственной («имперской») истории выясняется, что «история... написанная в рамках национальной парадигмы, воображенная или изобретенная как национальная история, в настоящее время является маргинальной. Национальный проект не может эффективно конкурировать с другими методологическими формами и языками исторического воображения» (П-Д-Н, с. 317).

Сложнейшему сюжету посвящены главы 11–12, в которых описаны и проанализированы процессы формирования, функционирования и трансляции «германского мифа» и последовавшего за ним «имперского мифа» как инструментов конструирования немецкой идентичности. Неслучайно главы эти получили общее название «Борьба с “Римом”»: немцы как культурно-языковая общность обрели корни и огромное по протяженности прошлое благодаря Тациту (П-Д-Н, с. 321), и в то же время уже первые гуманисты приступили к «дегероизации античного Рима» и прославлению «германских “варваров”», противопоставлению «“собственных германских традиций” “римско-латинской” цивилизации, вплоть до полного отказа от “романских” ценностей и затяжного конфликта с папской курией, закончившегося немецкой Реформацией» (П-Д-Н, с. 324). Примечательно здесь иное: конструирование и господство германского имперского мифа привело к тому, что в сконструированной имперской идентичности сместилось понятие нации. Если у англосаксов оно носило и носит политический характер, то в Германии политическая нация была подменена этнической. Уже у И.Г. Гердера и И.Г. Фихте «нация в первую очередь представлялась как общность единого языкового и этнического происхождения, на котором основывалось политическое единство общества. Далее вплоть до краха Веймарской республики не общая государственность, а принадлежность к этнической общности рассматривалась философской и исторической мыслью Германии как основа нации» (П-Д-Н, с. 391). Австрия, Швейцария, Нидерланды теоретиками

немецкого национализма числились как неотъемлемая часть будущей Германии, но в 1871 г. не вошли в ее состав. Дальнейшая экспансия и две мировые войны коренились в числе прочего и в подобной трактовке нации (П-Д-Н, с. 391).

Обратим внимание читателей и на две заключительные главы, посвященные не типическому и сравнимому, а, напротив, уникальному. Предметом главы 13 является миф и дискурс сарматизма в истории конструирования польской национальной идентичности. Между прочим, размышление над историей формирования данного мифа приводит к весьма существенному обобщению: понятие сарматизма, как и феодализма (и не названной готики), относится к общеупотребимым понятиям, которые возникли в ренессансной и просвещенческой литературе и публицистике как однозначно негативные по семантическому наполнению, – то наследие Старого Порядка, от которого в век Свободы и Разума надлежит отказаться (П-Д-Н, с. 406). По мере утраты польской государственности и ее возрождения сарматизм трансформировался, в чем-то весьма причудливо, и к моменту очередного выбора польскими элитами своей политической идентичности в 80–90-е годы XX в. образ сарматизма был представлен как минимум двумя нарративами – апологетическим и критическим. Как результат, сарматизм стал эпицентром дискуссий либералов и консерваторов в XXI в., и отношение к нему является маркером размежевания левых, правых и центристов (П-Д-Н, с. 412–413). Посему в леволиберальной историографии концепция сарматизма стала подвергаться деконструкции вплоть до отказа от его существования вообще или отрицания его уникальности в построении идентичностей народов Речи Посполитой (П-Д-Н, с. 414–415). Напротив, с точки зрения правых консерваторов, сарматизм – квинтэссенция «польскости»: «бесценное национальное наследие, которое следует бережно хранить и на котором строить национальное будущее» (П-Д-Н, с. 416).

В главе 14 «Индеанизм в поиске формулы национальной идентичности Боливии» речь идет о провале «индеанистского проекта». Осознание Боливии не как «кастовой» креольской, а как индейской страны подготавливалось национальной интеллигенцией с начала XX в., «однако жалость, сострадание и протест против жестокости общества в отношении индейца сочетались с признанием лишь негативной роли индейских народов в истории страны. <...> Для креольского либерализма не только индейцы и другие цветные, но и низшие классы креольского происхождения были лишены исторической субъектности и не были причастны к формированию национального государства. Они были исключены из самого понятия боливийской идентичности» (П-Д-Н, с. 420–421). В 30-е годы XX в. индеанизм активно развивался и избавлялся от «примитивности» (в авторской терминологии). В известной степени индеанизм привел к развитию исторических и археологических штудий и включению доколумбового прошлого в доминирующий нарратив. Особенно это касалось образов древних руин Тиауанако, построенного когда-то индейцами аймара, которые противопоставлялись как перуанским индейцам-кечуа, так и «бело-метисной Боливии» (П-Д-Н, с. 429). Левые теоретики того времени идеализировали индейское прошлое, считая его коллективистским и социалистическим (П-Д-Н, с. 430). После национальной революции 1952 г. была сделана попытка включить индеанизм в доминирующую идеологию боливийского национализма. Завершился этот процесс в 2005 г.,

когда во главе с Э. Моралесом индеанисты пришли к власти. В плане историописания это привело к «деколонизации» нарратива. «Преобладающей идеей стал мультикультурализм, отсутствие единой идентичности, “богатства в разнообразии”, а в оценке национальной истории предлагалось сосуществование различных исторических нарративов для различных сообществ» (П-Д-Н, с. 450). Собственно, «провал», о котором мы упомянули, сводится к тому, что проект единой идентичности доминирующих элит XIX – XX вв. завершился отказом от достижения единой идентичности вообще. Так, крайние группы индеанистов отказывались от статуса не только боливийцев, но и латиноамериканцев, поскольку данные идентичности являются результатом колонизации и самого факта открытия Америки европейцами (П-Д-Н, с. 451). «Внутренняя деколонизация» в индейских общинах оказалась быстрой, но неожиданно привела к тому, что, как следует из данных переписей 2001 и 2012 гг., на 20% снизилось число жителей, назвавших себя потомками индейских народов. «Большинство боливийцев ощущали себя частью общего этноса с индейскими корнями. Когда же радикальная индеанистская власть стала подспудно насаждать как основополагающие для всего государства характеристики и особенности индейской культуры, городское население поменяло свою позицию в признании себя частью этой культуры, этнической идентичности» (П-Д-Н, с. 456). Индеанистский проект назван «узкопартийным, почти сектантским» (П-Д-Н, с. 456).

Монография завершается заключением, написанным на английском языке и обозначенным как “Summary” (П-Д-Н, с.457–459). Отсутствие у монографии общего заключения на русском языке вызывает ряд вопросов и может быть истолковано как заявление о незавершенности исследования или невозможности полноценно соединить глобализационные тенденции (в том числе в нарративных стратегиях) с конкретными предметами, рассмотренными в главах конкретных исследователей. Открывается “Summary” констатацией, что «непрестанный поиск “новых путей” истории связан с непрерывной сменой вопросов, которые настоящее задает прошлому»³ (П-Д-Н, с. 457). И этого в принципе вполне достаточно.

Источники

П-Д-Н – Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: кол. моногр. / Под общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2020. – 464 с.

Литература

1. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2006. – 768 с.
2. Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – 800 с.
3. Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2014. – 848 с.
4. Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / Под общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2017. – 560 с.

³ Перевод наш. – Д.М., Г.М.

5. Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века / Под общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2018. – 512 с.

Поступила в редакцию
23.11.2020

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин; профессор кафедры археологии и всеобщей истории

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
ул. Московская, д. 42, г. Казань, 420111, Россия
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: gmyagkov@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 6, pp. 227–234

doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.227-234

**Memory, Historiography, and “Memorial Paradigm”:
On the Role of Historical Memory in Specific Situations**

[Review: The Past for the Present: Historical Memory and Narratives of National Identity: A Collective Monograph. Repina L.P. (Ed.). Moscow, Akvilon, 2020. 464 p. (In Russian)]

D.E. Martynov^{a*}, *G.P. Myagkov*^{b,a**}

^a*Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*

^b*Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, 420111 Russia*

E-mail: * dmitrymartynov80@mail.ru, ** gmyagkov@yandex.ru

Received November 23, 2020

Abstract

The paper reviews the collective monograph published by the Center for Intellectual History of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (IWH RAS). The reviewers consider the theoretical and factual information presented in the monograph in the context of the analysis of both general and specific characteristics of historical memory. The study of historical memory is possible through the analysis of specific political and intellectual practices of the era of early and mature modernity. The use of J. Rusen’s methodology was justified. According to this methodology, historical memory can be regarded as an “unconscious ideology,” which will inevitably be mythological, because it links the memories of an individual with an integral image of the past. From the aforesaid, it may be seen that the compound term “past – for – present”, which expresses the direction of historical memory, can be introduced. The term is reflected in the title of the monograph under review. The substantive features of strategies for the development of historical memory based on ideologemes were considered by the authors

using the example of Russia, Great Britain, Poland (the ideology of Sarmatism), and Bolivia (the ideology of Indianism).

Keywords: historiography, L.P. Repina, historical narrative, historical memory, national identity

References

1. *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and Memory: European Historical Culture before the Modern Era]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, Krug", 2006. 768 p. (In Russian)
2. *Dialogi so vremenem: Pamyat' o proshlom v kontekste istorii* [Dialogues with Time: Remembrance of the Past in the Context of History]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, Krug", 2008. 800 p. (In Russian)
3. *Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Evropy v Novoe vremya* [Ideas and People: Intellectual Culture of Europe in the Modern Era]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, Akvilon, 2014. 848 p. (In Russian)
4. *Rekonstruktsii mirovoi i regional'noi istorii: ot universalizma k modelyam mezhkul'turnogo dialoga* [Reconstructions of the World and Regional History: From Universalism to Intercultural Dialogue Models]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, Akvilon, 2017. 560 p. (In Russian)
5. *Sobytie i vremya v evropeiskoi istoricheskoi kul'ture XVI – nachala XX veka* [Event and Time in the European Historical Culture of the 16th–Early 20th Centuries]. Repina L.P. (Ed.). Moscow, Akvilon, 2018. 512 p. (In Russian)

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мягков Г.П. Память, историография и «мемориальная парадигма»: о роли исторической памяти в конкретных ситуациях [Рец. на кн.: Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: кол. моногр. / Под общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2020] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 6. – С. 227–234. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.227-234.

For citation: Martynov D.E., Myagkov G.P. Memory, historiography, and “memorial paradigm”: On the role of historical memory in specific situations [Review: The Past for the Present: Historical Memory and Narratives of National Identity: A Collective Monograph. Repina L.P. (Ed.). Moscow, Akvilon, 2020. (In Russian)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 6, pp. 227–234. doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.227-234. (In Russian)